

ному принципу судопроизводства и требовать доказательств вины (а не невинности. — С. М.). Если учесть преимущества, которыми пользовались древние авторы, в частности то, что они имели в своем распоряжении гораздо больше материала из первых рук, чем мы, такое отношение представляется и более скромным, и методологически более здоровым. Все что мы знаем о Гераклите, мы узнали от них, и постоянно подозревать их в невежестве, непонимании и подлоге — значит лишать себя вообще всякой почвы под ногами. Короллариум к этому правилу должен быть решительный отказ от таких «критериев недоверчивости», как сводимость или негераклитовское «звучание» — второй, кстати, является типичным порочным кругом: ведь наше представление о гераклитовском «звучании» зависит от состава набора признаваемых нами фрагментов, а состав этого набора зависит от нашего представления о гераклитовском «звучании». Если что нам непонятно, в этом надо в первую очередь винить себя и свою несообразительность, только во вторую очередь — переписчика, и лишь в последнюю очередь автора свидетельства, который мог что-то недопонять, перепутать, неверно процитировать на память. Иначе мы будем при малейшем затруднении сваливать все со своей больной головы на здоровые головы наших информаторов и остаемся в безраздельной власти наших априорных схем.

Несколько слов о новых чтениях, предложенных М. Марковичем для некоторых фрагментов Гераклита.

В фр. В 24, который до сих пор принимался всеми издателями без исправлений, он предлагает поставить $\epsilon\pi\alpha\rho$ вместо $\epsilon\pi\lambda\upsilon\varsigma$: «Смертью является все, что мы видим, бодрствуя, а все, что во сне, — я вью». Такое чтение делает отрывок более симметрично парадоксальным, чем рукописное. Однако смысл изречения от этого не становится яснее, особенно если учесть отрицательное отношение Гераклита ко сну, к «спячке» бодрствующих. По-моему (если только не связывать этот фрагмент со свидетельством Халкидия о пророческих снах — А 20), фрагмент В 24 гораздо легче поддается толкованию, если сохранить слово $\epsilon\pi\lambda\upsilon\varsigma$: если мы не общаемся с Л о г о с о м, то «смертью является все, что мы видим, бодрствуя, а все, что мы видим, спя, является сном (без сновидений)».

Маркович предлагает также новое чтение фр. В 59: $\gamma\upsilon\alpha\varsigma\omega$ (вместо рукоп. $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega$) — «Ч е с а л ь н о г о в а л и к а путь прямой и кривой один и тот же». Я согласен с Марковичем, что рукописное чтение существует более правдоподобное решение: $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega$ «начал». Все «технические» трактовки невозможного $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega$

(в том числе и приводимая у Гипполи-та) игнорирует «физическое» значение $\acute{\omicron}\delta\acute{\omicron}\varsigma$ у Гераклита (ср. фр. В 59, В 60 и Diog. Laërt. IX, 8—9). $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\varsigma$ — $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\varsigma$ Pythag. ap. Syrian. in Metaphys. 10,4 Kroll. Дорическая форма, возможно, заимствована у Пифагора. Ср. еще двусмысленность: $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega$ «начал» и $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega$ «товаров (от $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega$)» с фр. В 90. Интерполированное замечание о винте («улитке»), употребляемом в валах мастерских, — всего лишь добавленный кем-то другой пример тождества прямого и кривого пути и не надо искать никакого сходства между словом, скрывающимся под $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega$ (т. е. $\gamma\upsilon\alpha\varsigma\epsilon\omega$) и словом, скрывающимся под $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega$, хотя вторая ошибка и явилась явной контаминацией от первой.

Прав, по-моему, Маркович, соглашаясь с перестановкой фр. В 63—66, предложенной Френкелем (см. DK ad loc.).

Во фр. В 67 Маркович вставляет ϵ между словами $\pi\epsilon\upsilon\rho$ (добавленным Дильсом) на $\acute{\omicron}\lambda\iota\sigma\tau\alpha\nu$. Это несомненно улучшает синтаксис предложения, и не исключено, что он прав. Вполне возможно также, что слова $\kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\alpha}$ в фр. В 102, засвидетельствованные лишь одной рукописью, являются чьей-то вставкой. Хотя ритмика фрагмента скорее говорит в пользу их подлинности, Маркович их вычеркивает.

Что же касается чтения В 44, принятого Марковичем, оно мне кажется слишком отклоняющимся от рукописного текста. В рукописях мы имеем $\mu\acute{\alpha}\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \chi\rho\eta\ \tau\omicron\nu\ \delta\eta\mu\omicron\nu\ \epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\nu\ \epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon$ (последних трех слов нет в части рукописей), $\delta\omega\kappa\omega\sigma\epsilon\rho\ \tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\omega\varsigma$. Все издатели до сих пор отвергали слова $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon$ как диттографию (которую Дильс читал так: $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\epsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\nu$). Маркович, напротив, отказывается от слов $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\nu$, а слова, отвергаемые ранее, принимает, читая их так же, как Дильс, но с перестановкой $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \gamma\epsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\nu$ (благодаря перестановке получается ямбический триметр). Мне же представляется, что слова $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon$ не могут быть диттографией (хотя и были приняты за таковую переписчиком какой-то рукописи-архетипа), ибо в них два лишних слога, их лучше читать $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\epsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\nu$ «за действительно установленный», сохранив и предшествующие слова $\epsilon\pi\epsilon\rho\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\nu$. Из этого чтения следует, что Гераклит противопоставлял «действительно установленный» закон законам новопеченным, а это проливает дополнительный свет на его политические взгляды.

Чрезвычайно любопытны наблюдения Марковича над ритмикой Гераклита (см. предметный указатель под сл. Metric). Так он отмечает, что фр. В 3, В 78, В 137 и последние четыре слова фр. В 5 являются вторыми половинами текстов.

Многие фрагменты, как считает Маркович, — ямбические триметры: В 33 (отсутствуют два первых слога), В 44 (если читать ὁλέρ γε τοῦ νόμου), В 47, В 49 (недостает первого краткого слога), В 78 (если читать γνῶμας οὐκ ἔχει вместо μὲν οὐκ ἔχει γνῶμας), В 105 (если читать εἰς μέσον вместо ἐς τὸ μέσον) и фальшивый В 132 (если читать κατὰδουλοῦνται вместо καταδουλοῦνται). Жаль только, что автор не приходит к какому-то определенному выводу о значении этого факта. В одних случаях он видит в этой метрике стилистический прием Гераклита, в других — доказательство того, что фрагмент взят из какого-то стихотворного переложения книги Эфесца, вроде того, которое у Диогена приписывается Скитину Теоскому.

Интересен и используемый Марковичем прием разбития фрагментов на «стихи» с тем, чтобы, как он сам указывает, «подчеркнуть с е м а н т и ч е с к и е единицы или синтагмы, входящие в состав ритмической прозы Гераклита» (стр. XVI). Автор тут же уточняет, что при этом он не стремился произвести метрический анализ. Однако довольно часто ему произвольно удается выделить именно метрические единицы, которые, как я попытаюсь когда-нибудь показать, зачастую строятся у Гераклита на чере-

довании не долгих и кратких, а ударных и безударных слогов.

В заключение следует сказать, что, несмотря на все свои недостатки, главные из которых были нами рассмотрены, книга М. Марковича является несомненно работой, наиболее приближающейся к мечте всех гераклитоведов и историков древнегреческой философии — пока еще несуществующей Encyclopaedia Heraclitea. Автор проделал огромную и трудную работу, объединив под одним переключателем невероятное количество разрозненных текстов, собрав богатейшую документацию, и уже одним этим заслужил высокую благодарность всех, кто посвятил себя тяжелому, но увлекательному делу по распутыванию бесчисленных загадок и головоломок, унаследованных нами от Гераклита. И если некоторые выводы Марковича нам кажутся неприемлемыми, это должно лишь побудить нас к еще более осмотрительному обращению с источниками, ибо нельзя забывать, что результаты, к которым мы приходим, имеют не только чисто познавательное значение, но могут еще оказаться чрезвычайно полезными для осознания человечеством путей развития своего мышления, средств, при помощи которых оно отражает мир, а значит и для улучшения этих средств, для совершенствования самого мышления.

С. Н. Муравьев

RAYMOND BOGAERT, *Banques et banquiers dans les cités grecques*, Leyde, 1968, 453 стр.

Монография бельгийского ученого Богарта посвящена важной и недостаточно исследованной до сих пор проблеме. Начало ее научного изучения было положено выступлением М. Куторги на заседании Французской Академии наук в Париже в 1859 г. об афинских трапезитах¹. Несмотря на краткий и суммарный характер сделанного Куторгой обзора, он привлек внимание к деятельности древнегреческих банков², и с тех пор не прекращается поток работ, посвященных различным аспектам этой проблемы. В основном исследовался наиболее многочисленный и доступный аттический материал (судебные речи), затем папирусные свидетельства Птолемеевского Египта и, наконец, эпиграфические данные.

¹ M. Koutorga, *Essai historique sur les trapezites ou banques d'Athènes*, P., 1859.

² Слово «банк» и производные от него здесь и далее употребляются мной условно, поскольку они фигурируют повсеместно в рецензируемой работе и в научной литературе.

Появившиеся в 20-х годах нашего века работы Хазебрека и Цибарта³ стали отправными вехами для любого дальнейшего исследования в этой области. Но и после них многое осталось неясным и спорным. Основной причиной является состояние источников — их случайный и зачастую фрагментарный характер и почти полное отсутствие документальных данных.

Работа Богарта — первая попытка на основе всех имеющихся разнообразных свидетельств — литературных, эпиграфических, нумизматических — дать обобщающую картину деятельности древнегреческих банков, от их появления в VI—V в. до н. э. до прекращения их деятельности в III в. н. э.

Автор не ограничился одной какой-либо областью древней Греции или одним

³ J. Hasebroek, *Zum griechischen Bankwesen in der klassischen Zeit*, «Hermes», 55 (1920), стр. 113—173; E. Ziebart, *Hellenistische Banken*, «Zeitschrift für Numismatik», 34 (1924), стр. 36—50.

периодом, он поставил своей задачей рассмотреть и проанализировать все, что известно о банковской деятельности во всех районах древней Греции, и во все периоды. Эта сложная задача оказалась по плечу автору, уже зарекомендовавшему себя рядом статей по различным аспектам денежного обращения и кредита в древней Греции⁴ и монографией о происхождении банков в древнем мире⁵. Сознвая стоящие перед ним трудности, Богарт указывает во Введении (стр. 27), что не собирается дать читателю «историю» греческого банка, так как сохранившиеся источники не позволяют этого. Но он подробно рассматривает все три типа древнегреческих банков и притом во всех аспектах их деятельности⁶. Свообразна композиция работы. I часть (стр. 37—275) посвящена вопросам терминологии (стр. 37—60), затем дается обзор всех свидетельств о банковской деятельности в различных греческих государствах, распределенных по географическому признаку (континентальная Греция, острова, Малая Азия и т. д.), во II части (стр. 279—413) исследуется деятельность трех типов древнегреческих банков — храмовых (стр. 279—304), частных (стр. 305—400), государственных (стр. 401—408).

В разделе, посвященном терминологии, рассматриваются многочисленные и разнообразные обозначения менял, трапезитов, видов их деятельности и связанных с ней документов. Исходя из правильной предпосылки, что древнегреческие трапезиты-банкиры выросли из первоначальных менял, Богарт рассматривает все обозначения операций по размену и обмену монет и предостерегает против приписывания менялам последующих

функций трапезитов⁷. По его мнению, словом «трапезит» мог обозначаться и меняла и банкир⁸, в то время как другие термины относятся обычно к лицам, занимавшимся обменом и проверкой денег. Интересен анализ, даваемый словам *διαγραφῆν* и *διαγραφῆ* в применении к деятельности трапез (стр. 50—53, 57—59). Богарт решительно выступает против попыток истолкования этих терминов как доказательства существования безналичных расчетов в древнегреческих трапезах и полагает, что *διαγραφῆ* обозначает письменный ордер на платеж, передаваемый клиентом трапезе (независимо от того, имеется ли у него там счет, или деньги вносятся одновременно с ордером), и в то же время извещение или расписка о получении платежа через трапезу.

В то же время автор призывает к осторожности в трактовке разнообразной терминологии и предостерегает против применения современных банковских понятий к трапезам древней Греции. Из анализа терминологии вытекает невысокий уровень банковского дела в классической Греции и некоторый прогресс его в эллинистический период⁹.

Переходя далее к рассмотрению банковской деятельности в различных областях древней Греции, Богарт, естественно, больше всего останавливается на Аттике (стр. 61—94) и Делосе (стр. 126—192), откуда дошло наибольшее число свидетельств.

Анализируя деятельность афинских трапез в IV в. до н. э., Богарт по количеству действовавших одновременно трапезитов и по сообщениям о случаях банкротств пытается определить периоды спада и подъема¹⁰.

Сама по себе попытка такого рода вполне оправдана, однако нельзя забывать, что имена известных нам афинских трапезитов сохранились совершенно случайно, и нет никакой уверенности, что их

⁴ RIDA, 3-e Serie, 9 (1962), стр. 157—167; AC, 32 (1963), стр. 85—119; 33 (1964), стр. 121—128; 34 (1965), стр. 204—213; CdE, 40 (1965), стр. 140—156.

⁵ Les origines antiques de la banque de dépôt, Leyde, 1966. См. рец. М. А. Данилаев, ВДИ, 1968, № 3, стр. 182—186.

⁶ Богарт исключил из рассмотрения банки эллинистического Египта, о деятельности которых сохранилось больше всего свидетельств, так как предполагает в ближайшее время выпустить специальную, посвященную им монографию. Правомочность использования этого материала при изучении банковского дела в древней Греции определяется близостью терминологии и практики птолемеевских банков с афинскими, что позволяет говорить об афинском происхождении этой практики. Cp. Claire Préaux. De la Grèce classique à l'époque hellénistique CdE, 33/1958, стр. 245.

⁷ Так, например, оспаривается перевод *ἀρτοράμειβος* в словаре Liddell-Scott'a как «banker» (стр. 45—46).

⁸ Богарт (стр. 39) считает менялами трапезитов, упоминаемых в афинской надписи последней четверти V в. до н. э. («Hesperia», XIV (1945), стр. 119, № 11, стк. 19 = SEG, X, 87).

⁹ Мало специально банковских слов, больше — для операций обмена и проверки монет, употребляемые термины многозначны, нет единства в словоупотреблении.

¹⁰ Так, по его подсчетам (стр. 86—88) в конце V и начале IV в. до н. э. в Афинах действовали 4 трапезита, в 394—370 — не менее 8, в 371/370—362/1 — 2, в 361—351 — 5, в 351—320 — 7. Дважды — в 377/6 и 371/70 произошел одновременный крах нескольких банков (De m., XXIV, 134—136 и Schol. ad loc. XXXVI, 50—51).

действительное численное соотношение в различные периоды соответствует тому, что нам сейчас известно.

При перечне всех известных афинских трапезитов Богарт почему-то вовсе опустил трапезита V в. до н. э. Антимаха, который упоминался в комедии Евполида «Демы»¹¹, и не включил Пасикла, сына Пасиона, получившего при разделе наследства трапезу своего отца (Dem., XXXVI, 11), хотя о самом этом факте упоминает (стр. 79)¹².

Анализируя социальный состав афинских трапезитов, Богарт правильно замечает, что в основном это были метеки и бывшие рабы (стр. 62), но неправомерно делает обратный вывод: любой трапезит обязательно — метек или вольноотпущенник и если из источников видно, что он был гражданином, следовательно, был им не по рождению, а удостоился гражданских прав за заслуги¹³.

Богарт полагает, что в Афинах в конце IV в. до н. э. уже существовал государственный банк (τράπεζα δημοσίου) и приписывает его введение Ликургу. Он основывается на Элевсинской надписи 329/8 г. (IG, II², 1672 сткк. 39—40), где говорится о деньгах, полученных эписитами Элевсина от трапезита (πράτορ τραπεζίτου). Поскольку он упоминается наряду с другими магистратами и не названо его имя, Богарт считает, что это было официальное лицо, ведавшее государственным банком. Царская трапеза, засвидетельствованная в Птолемеевском Египте с середины III в. до н. э., была скопирована с афинской модели (стр. 88—90). Богарт предвидит, что его гипотеза вызовет возражения (nous mesurons toute la hardiesse ... de cette thèse), учитывает, что Аристотель в Афинской Политии, перечисляя афинских магистратов, не называет трапезита,

и тем не менее настаивает на ней¹⁴.

Трапезиты без обозначения имени встречаются в афинской надписи последней четверти V в. до н. э. («Hesperia», XIV (1945), стр. 119, № 11 = SEG, X, 87), но Богарт считает их менялами и не делает вывода о существовании государственного банка в Афинах уже в V в. до н. э. В пользу гипотезы Богарта можно привести упоминание трапезы в речи Демосфена «О преступном посольстве» (XIX, 393—343 г. до н. э.)¹⁵, однако сам он почему-то рассматривает это как свидетельство существования частного банка, который принимал платежи на счет государства или храма. Но аналогичное толкование можно дать и трапезиту в Элевсинской надписи. Тезис Богарта о государственной трапезе в Афинах IV в. до н. э. остается недоказанным.

Рассматривая экономическую деятельность афинских храмов, Богарт правильно замечает, что они давали займы только государству на очень льготных условиях и их средства были своеобразным государственным резервным фондом. Иное дело — локальные святилища в демах (Рамнунт, Элевсин, Мирринунт), которые давали займы под проценты. Богарт объясняет это отсутствием в демах трапезитов, но здесь, очевидно, играли роль иные факторы (если бы была потребность, трапезиты бы появились), в частности, известная самокупаемость святилищ в демах, которые должны были обеспечить себя средствами на содержание священных зданий и устройство празднеств. Аналогичный характер имели и заемные операции демов (коммунальные расходы).

После краткого обзора сведений о банковских операциях в различных государствах Пелопонесса Богарт переходит к Центральной Греции и здесь, естественно, уделяет наибольшее внимание Дельфам (стр. 106—116). В V в. до н. э. дельфийский храм брал на хранение вклады и давал займы под проценты различным государствам Греции. В IV в. до н. э. после землетрясения 373 г. и разграбления Дельфов фокидянами храм прекратил заемные операции. Ввиду постоянного притока в Дельфы иноземной монеты

¹¹ Schol. Aristoph. Nub. v. 1022; P. A. 4107.

¹² Богарт самому себе противоречит, когда пишет (стр. 83, прим. 135), что в Афинах неизвестны случаи, когда трапезитами были бы отец и сын.

¹³ Так он трактует статус бывших хозяев Пасиона Антисфена и Архестрата (стр. 62), а относительно Архилоха, гражданский статус которого не вызывает сомнений, замечает, что это «единственный афинский гражданин, занимавшийся профессионально банковским делом» (стр. 73). Мысль, что трапезиты во всех греческих государствах были, как правило, чужеземцами (стр. 170, 192, 358, 452), настолько подчинила себе Богарта, что он отвергает а priori возможность считать трапезитом человека, являвшегося гражданином данного государства (стр. 210, прим. 416), хотя вынужден порой считаться с прямыми свидетельствами (стр. 170, 181).

¹⁴ δημοσίου τράπεζα в Афинах прямо засвидетельствована лишь в надписи 103/2 г. до н. э. (IG, II², 1013), но уже в середине II в. до н. э. афиняне учредили государственную трапезу на Делосе, очевидно, по существовавшему у них образцу.

¹⁵ Речь идет об обвинении Евбулом Кефисофонта в присвоении священных денег за то, что он внес их в трапезу на три дня позже (τρίσιν ὕστερον ἡμέραις ἐπὶ τὴν τράπεζαν εἴθην ἐπτά μνᾶς). С. И. Радциг (Демосфен. Речь, М., 1954, стр. 389, 601) переводит: «внес на стол менялы», что вообще не дает смысла.

большую роль играли обменные операции. Особенно распространенными были в обращении эгинские и аттические монеты, существовал и официальный курс (7 : 10) и свободный (3 : 4 и 2 : 3 для мелкой разменной монеты). Дельфийский храм обычно извлекал выгоды при пересчете денег одной системы в другую. Дельфы иногда выпускали и свою собственную монету. Дельфийский храм не давал займов городу, но священные деньги лежали в государственных кассах. Таким образом, город Дельфы был как бы банкиром своего храма. Это могло привести к злоупотреблениям¹⁶. Существование частных трапез в Дельфах засвидетельствовано, хотя об их деятельности мало что известно. Государственной трапезы в Дельфах не было.

Как уже было сказано, наиболее подробно рассмотрена Богартом деятельность делосского храма (стр. 128—192). Множество сохранившихся документальных источников и большое число исследований о Делосе облегчили его задачу. Но не ограничиваясь систематизацией и обобщением того, что было сделано предшественниками, Богарт дает самостоятельный анализ материала. История банковских операций делосского храма рассматривается по трем периодам его истории: 1) период аттико-делосской амфикипии (V — 314 г. до н. э.), 2) период независимости (314—166 гг. до н. э.), 3) период второго афинского господства (166 — 88 гг. до н. э.).

В I период делосский храм давал займы как другим государствам (особенно Кикладам), так и частным лицам, делосцам и иноземцам. Клиентела отличается интернациональным характером. Займы небольших сумм частным лицам (в 70-е гг. V в.) на длительный срок свидетельствуют о политике помощи среднему классу.

Во II период главным должником храма становится город Делос, число других государств-клиентов храма резко уменьшилось. Сохраняется практика займов частным лицам. Очень велики недоимки, очевидно, несовершенна система финансовой администрации. В III период частично восстанавливаются порядки, существовавшие в V—IV вв. до н. э. Среди должников храма больше чужеземцев, особенно афинян. Строже взимаются недоимки. Но, как и во II период, нет займов другим государствам.

Обзор банковских операций делосского храма дан в эволюции, они иллюстрируются рядом таблиц.

Из доходов делосского храма, которые использовались для процентных займов,

¹⁶ Во II в. до н. э. группа знатных дельфийцев была обвинена в присвоении священных денег, и совет Амфикипионов рассматривал это скандальное дело (Syll.³, 826 и FD, III, 4, 43).

особо выделяются так называемые «фонды», создававшиеся из пожертвованных частных лиц. Источники доходов также эволюционировали, в V в. до н. э. преобладали поступления от поместий и домов, в IV в. — от процентных займов, в III в. соотношение опять обратное. Но поскольку проценты поступали очень нерегулярно, вернейшим источником дохода оставалось недвижимое имущество храма.

Характерно, что в документах Делоса нет данных о конфискации имущества неисправных должников.

Кроме храма Аполлона заемными операциями на Делосе занимались и частные трапезы, засвидетельствованные с середины III в. до н. э. Большая часть трапезитов — чужеземцы, но встречаются и делосцы. Трапезиты Делоса тесно сотрудничали с храмом и государственной казной, они получали платежи в то время, когда те кассы были закрыты¹⁷, и имена этих банкиров указываются в надписях на сосудах, где хранились соответствующие суммы. Сведя в таблицы эти сведения, Богарт пытается определить роль различных трапезитов в этих операциях и ее эволюцию. С середины II в. до н. э. на Делосе появляется государственный банк, введенный афинянами. Он полностью вытеснил частные трапезы в их отношениях со священной кассой и возможно, как в Афинах, выполнял также некоторые функции государственной казны.

О деятельности банков на других островах Эгейского моря, в Малой Азии и на побережье Понта сохранились спорадические данные, которые тщательно собраны автором.

После такого обзора всех свидетельств в I части следует обобщающая II часть, где рассматривается деятельность трех основных типов древнегреческих банков — храмовых, частных и государственных. Относительно первой группы Богарт констатирует, что далеко не все древнегреческие святилища занимались банковскими операциями, по всей Элладе за весь рассматриваемый период таких насчитывается только 25. Расцвет их деятельности падает на V—IV вв. до н. э. Греческие храмы издавна брали на хранение вклады городов, специальных фондов, казначеев, иногда частных лиц. Однако только 3 из 25 храмов сочетали операции по вкладам и займам. К тому же нет данных, что храмы одалживали деньги из средств вклад-

¹⁷ Священная касса, как и государственная казна, открывались только в определенные периоды с соблюдением ряда формальностей. Между тем поступления и выдачи могли быть в течение всего года. Богарт следует здесь за Дюррбахом и Лейдлоу (F. D u r r b a c h, *Choix d'inscriptions de Délos*, I, P., 1921—1923, стр. 64 и W. L a i d l o w, *A History of Delos*, Oxf., 1933, стр. 198, прим. 23)

чиков. Их средства складывались из пожертвований, доходов от имущества, налогов и штрафов. Клиентами греческих храмов были местные власти, иностранные государства, граждане и чужеземцы. Священные займы давались, как правило, на льготных условиях, под небольшие проценты и на длительные сроки. Всегда требовались гарантии, причем кредит частных лиц был выше, чем кредит государства, и в ряде случаев государственные займы гарантировались имуществом его граждан.

Мало данных о цели займов у храмов. Богарт полагает, что в большей части займы шли на потребительские цели (*crédit à la consommation*). Займы храмов ввиду их назначения и льготных условий играли скорее социальную, гуманитарную, чем экономическую роль (стр. 294). Богарт выступает против распространенного мнения, что греческие храмы были колыбелью банков. Верно, что они первыми стали принимать и хранить вклады, но вклады эти в большинстве случаев были закрытыми, их нельзя было пускать в оборот, а банковская деятельность начинается тогда, когда появляются операции с чужими деньгами. Что касается фондов, создававшихся из специальных пожертвований в храмы, то их обычно давали займам под проценты, но вырученные деньги шли на покрытие каких-либо определенных нужд храма. Это тоже операции не банковского характера.

Особенностью деятельности древнегреческих храмов была и их тесная связь с государствами, на территории которых они находились; существовал государственный контроль, и в первую очередь храмы функционировали как органы государства, а заемные операции совершали уже во вторую очередь и лишь в том случае, если были излишки. Здесь не было характерной для банка тенденции — приобрести деньги, чтобы их выгодно поместить.

В анализе кредитно-денежной деятельности древнегреческих храмов Богарт справедливо отмечает недостаточную изученность этой проблемы и выделяет ряд характерных ее черт.

Автор при рассмотрении этого вопроса не учитывает, что следовало бы отделить такие храмовые по преимуществу общины, как Делос и Дельфы, от храмов, не имевших самостоятельной роли и являвшихся составной и подчиненной частью соответствующих греческих государств. В экономической деятельности этих двух типов храмов были бесспорно принципиальные различия.

Что касается деятельности частных банков — трапез, то собранный Богартом материал уже сам по себе весьма показателен. Во всей Греции, где более 1000 государств выпускали свою монету, трапезы известны только в 33 государствах,

хотя они бесспорно были и во многих других. Это сразу же ставит нас перед фактом скудости и недостаточности сохранившейся традиции. Родинной трапез Богарт считает не Малую Азию, а континентальную Грецию. В Малой Азии деятельность трапез расцветает в эллинистический период.

Поскольку деятельность трапезитов выросла из функций менял, Богарт рассматривает вопрос о появлении чеканной монеты различных систем, об их соотношении. Он присоединяется к теории, согласно которой начало чеканки монеты связано было с необходимостью облегчить расплату с наемниками (стр. 308—309)¹⁸. Богарт указывает на спорность вопроса о датировке эгинских и афинских монет и на расхождение между показаниями литературных и пумпизматических данных, которое ставит сомнение достоверность традиции о денежной реформе Солона.

Значение обмена монет в древней Греции определялось тем, что свою монету выпускали 1136 государств,клады тоже свидетельствуют о разнообразии обращавшихся одновременно денег. Стоимость монеты определялась ее внутренней ценностью (металлическое содержание), номиналом и торговой ценой. При обмене надо было все это учитывать, а кроме того — степень износа, возможность незаконной перечековки, фальшивых монет и т. д. Столь сложное дело требовало специальных навыков и высокой квалификации.

Подробно рассматривается вопрос о курсе различных денег и разнице в покупной и продажной ценах (*agio*). *Agio* в древней Греции при обмене монет было выше, чем в средние века и новое время. Это объясняется тем, что монетное обращение было слабее торгового, серебряные и золотые монеты часто плавались из обращения (клады), а бумажных денег не было, что приводило к бедности в платежных средствах. Высокие ставки платы при обмене денег мешали развитию торговли, поэтому иногда они законодательно запрещались (Дельфы — II в. до н. э., Оливия — IV в. до н. э.), за обмен без *agio* давался пощест¹⁹.

Хотя обмен монет продолжал составлять важную часть деятельности трапез, но центрами банковских операций они становятся лишь в связи складами. Вклады подразделялись на регулярные

¹⁸ Cp. R. M. Cook, *Speculations on the Origin of Coinage*, «Historia», 7 (1958), стр. 257—262; он же, *The Greeks till Alexander*, L., 1961, стр. 64—65.

¹⁹ Так, например, трапезиту Тимону на Делосе в начале II в. до н. э. (IG, XII 5, 817 + E. Ziebarth, *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland*, Hamburg, 1929, Anhang II, § 87, стр. 137, сткк. 3—10).

хранение без права использования) и иррегулярные (с правом трепезита распоряжаться ими). Последние, в свою очередь, делились на платежные (по поручению клиента трапезит выплачивал указанные им суммы третьему лицу) и вклады помещению капитала (*dépôts de placement*), которые делались на определенный срок, и трапезит мог временно использовать их с выгодой для себя. Богарт полагает, что только последний вид вкладов приносил проценты вкладчику и пытается вычислить на основе косвенных данных их размеры (стр. 345—347)²⁰.

Богарт справедливо возражает против распространенного мнения, будто деньги, хранившиеся в трапезах, всегда относились к *ὀφείζα ἀφαιρῆς*, и поэтому позволяли их владельцам уклониться от несения общественных повинностей. Но он глубоко неправ, когда пишет, что счетные книги банков представляли собой официальные документы (*documents publics*), которые представители власти могли в случае надобности смотреть. Все известные нам примеры привлечения счетных книг трапез относятся к случаям споров между трапезитом и его клиентами, и осуществлялись по инициативе одной из заинтересованных сторон, но ни разу — по инициативе представителя государственной администрации.

Богарт справедливо отрицает применение в практике древнегреческих трапез системы чеков, безналичных расчетов (перечислений с одного счета на другой — *virements*) и клиринговых операций (расчет между различными банками). Отдельные случаи безналичных расчетов засвидетельствованы только для эллинистического периода, но и тогда это не получило распространения.

Кредитные операции трапезитов не ограничивались только прямыми займами. Когда трапезит поручался за своего кли-

ента, он тоже кредитовал его. Но основной формой кредита были займы.

Займы трапез, поскольку большинство трапезитов не имели права *ἐχρησῆς*, обеспечивались ценными вещами (*ἐνέχυρον*), что отнюдь не дает права отождествлять древние трапезы с ломбардами. Под залог ценных вещей деньги одалживали не бедняки, а состоятельные люди, и сами эти ценные вещи в древней Греции были способом капиталовложений. Кроме займов под заклад вещей, практиковались займы и под личное поручительство, а иногда и без всяких гарантий²¹. Последнее, очевидно, было редким исключением, так как трапезиту, одалживавшему деньги вкладчиков, опасно было рисковать.

Что касается назначения займов у трапез, то Богарт разделяет традиционную точку зрения, что они использовались преимущественно на непроизводительные цели. Данных очень мало, но так как трапезиты давали займы под более высокие проценты, чем другие кредиторы²², обращаться к ним могли лишь состоятельные люди, или те, кто рассчитывал на высокие доходы, например, от эксплуатации рудников. В эллинистический период, когда процентные ставки стали ниже, возросло число займов, использовавшихся на производительные цели. Но и для этого времени почти нет данных.

Сами трапезиты вкладывали средства в торговлю и промышленность лишь в том случае, если располагали личными большими состояниями (Пасион, Формион в Афинах IV в. до н. э.), они прежде всего были трапезитами, а потом уже дельцами другого плана²³.

Богарт недооценивает роль древнегреческих трапез в кредитовании производственной деятельности, но он правильно

²⁰ Так, из того, что в «Трапезитике» Исократ говорит в связи с вкладом юного боспора у Пасиона то о шести, то о семи талантах, Богарт заключает, что разница в талант возникла в результате начисления процентов и что они выросли за срок примерно в год и восемь месяцев, что дает 10%. Примерно то же соотношение он выводит из иска Аполлодора к Формиону (D e m., XXXVI). В основе его лежала сумма в 11 талантов, которую Пасион при передаче трапезы, которую взял на себя как свой долг, между тем как Аполлодор оценил свою претензию в 20 талантов. Разница в девять талантов составляет проценты за 8 лет, что дает примерно 10,22%. Мне эти расчеты представляются недостаточно убедительными. То, что в эллинистический период государственные банки платили 10% за хранившиеся у них фонды особого назначения, недоказательно для системы расчетов в Аттике IV в. до н. э.

²¹ Таковыми были бесспорно займы Пасиона известному политическому деятелю и полководцу Тимофею (D e m., XLIX, *passim*), но вряд ли правомерно заключать, как это делает Богарт (стр. 355), что аналогичный характер имел заем на «покупку» рудника, упоминаемый в одной из речей Демосфена (XL, 52). То, что здесь не говорится о гарантиях, ничего не доказывает, так как выступавшему в суде Мантифею важно было сказать лишь о сумме выплаченного им долга, а не об его условиях.

²² Поскольку трапезы сами платили проценты вкладчикам, они, естественно, должны были брать более высокие проценты, чем заимодавцы, оперировавшие собственными средствами.

²³ Против формулы Лаума (B. L a u m, *Kein Giroverkehr bei athenischen Banken*, «Philologische Wochenschrift», 42 (1922), стр. 429), что трапезиты были на три четверти купцами и на одну четверть банкирами.

критикует мнение об активном участии трапезитов в морских займах²⁴.

Относительно состава клиентуры трапез Богарт полагает, что это были в основном состоятельные люди (стр. 370 слл.) К аналогичному выводу пришел в свое время Финли, анализирувавший аттические займы (в основном у частных лиц) под ипотеку²⁵. Возникает естественный вопрос, кто же кредитовал нуждавшихся в деньгах людей, не принадлежавших к имущим слоям населения?

Анализируя социальный состав древнегреческих трапезитов (стр. 385), Богарт указывает, что это были в подавляющем большинстве чужеземцы, а в IV в. до н. э. и бывшие рабы²⁶. Он объясняет это тем, что трапезиты выросли из прежних менял, профессия которых была новой, требовала специальных знаний и, как правило, выполнялась чужеземцами. А потом, когда распространились трапезы, грек, желавший освободиться от политической деятельности и обогатиться, уезжал в другой город и поселялся там в качестве метека²⁷. В этом объяснении отсутствуют рабы и вольноотпущенники, роль которых в деятельности древнегреческих трапез IV в. до н. э. была исключительно велика²⁸.

Интересный вопрос об отношениях между частными трапезами и государством недостаточно исследован, что объясняется состоянием источников. Греческие государства, очевидно, осуществляли какой-то контроль, во всяком случае над обменными операциями трапез, существование *bankos* трапезитов в Афинах IV в. до н. э. говорит о стремлении обеспечить интересы вкладчиков или обеих сторон²⁹ от злоупотреблений. Но характерное для политики многих древнегреческих государств невмешательство в экономическую активность частных лиц должно было сказываться и в этой области. Частные трапезы кредитовали частных лиц, а не государство. В случае необходимости государства занимали деньги у

храмов, у других государств, у своих граждан, но не у трапезитов, которые одалживали на короткие сроки и брали большие проценты. Многие трапезиты удостоились почестей за свои услуги государству, но они выступали здесь как богачи, а не как представители своей профессии. Не исключены, разумеется, случаи государственных займов у трапезитов, но засвидетельствованы они только в I в. до н. э. и скорее всего брались из собственных средств трапезита, а не вкладчиков.

Богарт ставит важный вопрос о значении банковского кредита в древней Греции. Трапезиты, почти не участвовавшие в важнейших видах кредита — под ипотеку и морских займах, — не занимали решающего места в кредитных операциях с точки зрения объема. Но их деятельность создавала дополнительную покупательную способность и стимулировала денежное обращение, так как вкладчик, помещая свои деньги в трапезу, сохранял свою покупательную способность, и в то же время эти деньги шли, независимо от него, в оборот. В то же время ограниченный характер деятельности древнегреческих банков проявлялся в том, что они в отличие от современных не создавали кредита, так как объем предоставляемых ими займов из-за отсутствия безналичных расчетов не мог превысить объема вкладов.

Как уже было сказано, в древней Греции наряду с частными трапезами существовали и государственные. Сюда относятся, во-первых, частные трапезы, получившие от государства монополию на обмен монет или концессию на прием каких-либо поступлений государственных средств и производство платежей из них. Такие трапезы засвидетельствованы в государствах с олигархической политической структурой³⁰. Предоставление трапезе монополии диктовалось фискальными, а не экономическими соображениями. Во-вторых, государственные трапезы. Они создавались по образцу частных, но существовали далеко не везде. Как уже было сказано, Богарт полагает, что в Афинах такой банк появился уже в конце IV в. до н. э., для других греческих государств имеются свидетельства на конца III в. до I в. до н. э. В период Римской империи они исчезают. Об их функциях мало что известно. Очевидно, эти трапезы производили обмен монет для государственных нужд и бесспорно одаживали частным лицам под проценты. Но средства для этих займов брались не из вкладов, а из фондов, создававшихся в результате пожертвований каких-либо богатых благодетелей. Государственная трапеза

²⁴ Еще раньше этот вопрос был им рассмотрен в статье «Banquiers, courtiers et prêts maritimes à Athènes et à Alexandrie», CDE, 40 (1965), стр. 140—156.

²⁵ M. I. Finley, Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500—200 B. C., New Brunswick, 1951, стр. 79—87, 266—274.

²⁶ С III в. до н. э. деятельность трапезита стала более почетным занятием, в их числе появляются и знатные люди, но как правило, не в своем городе.

²⁷ Ср. H. Mitchell, Economics of Ancient Greece, Camb., 1957, стр. 144—146.

²⁸ См. мою статью в ВДИ, 1970, № 3.

²⁹ Ср. L. Gernet, Droit et société dans la Grèce ancienne, P., 1955, стр. 176—178.

³⁰ Свидетельства имеются о Византии конца VI в. до н. э., Синопе IV в. до н. э., Спарте, Пергаме, Миласе, возможно, — Наксосе и Кизике II—III вв. н. э.

авансировала деньги на некоторые государственные расходы. По существу это был филиал казначейства. Управляли этими трапезами должностные лица — один или несколько.

В основе появления этих государственных трапез, по мнению Богарта, были не фискальные и не экономические ³¹, а чисто технические причины — удобство получения платежей и выдач в любое время. Вначале греческие государства прибегали для этого к услугам частных трапезитов, а впоследствии решили использовать их опыт и извлекать доходы самим. Государственные трапезы не были ни подлинными банками, ни кассами государства, а департаментами казначейства, призванными выполнять определенные финансовые функции.

Обзор всего доступного материала о древнегреческих банках показывает, как скудны наши сведения. Кое-что известно только о 53 государствах, и то это, как правило, случайные выборочные сведения (судебные процессы, почетные декреты, документы храмовой и государственной отчетности, эпитафии). Деятельность трапез в большей части греческого мира покрыта мраком неизвестности.

Насыщенную огромным фактическим материалом работу Богарта трудно подвергнуть обстоятельному анализу в рамках небольшой рецензии, но из того, что сказано, выявляется огромная кропотливая работа, сделанная автором, за которую ему безусловно должны быть признательны все интересующиеся экономической историей древней Греции. Богарт по возможности учел и критически использовал большую специальную литературу, как издания и комментарии античных текстов, так и работы по истории финансов ³². Работа снабжена списком цитированной литературы, обширными индексами (источники, список трапезитов, греческие слова, общий индекс и Addenda).

На основе анализа материала источников ставятся важные проблемы — роль древнегреческих частных банков в развитии кредита, банки и государство, кредитная деятельность храмов, экономический и социальный аспект кредита в древней Греции и др.

Хотя в названии книги, ее отдельных разделов и в самом изложении постоянно фигурируют слова «банк» и «банковские операции», Богарт многократно предупреждает против модернизаторских тен-

денций рассматривать древнегреческие трапезы по меркам средневековых или современных банков (стр. 302—303, 412—413). Согласно тезису, выдвинутому им еще в монографии о происхождении банков в древнем мире (1966 г.), Богарт постоянно подчеркивает, что банковскими операциями можно считать лишь те, которые связаны с предоставлением займов из средств вкладчиков, а не принадлежащих трапезиту или храму. Богарт говорит о примитивном характере кредитных операций в древней Греции и неправомерности аналогии с более поздними периодами. В то же время Богарт сам иногда не чужд модернизаторской терминологии («буржуазия», «капиталисты» — стр. 207—208, 210, 250).

Для мировоззрения автора характерно, что он высоко оценивает статью П. Оливы («Das Altertum», 8 (1962), стр. 39—46), где финансовый кризис Римской империи II—III вв. н. э. рассматривается с марксистской точки зрения (стр. 31, прим. 18... selon le point de vue marxiste), сам он пишет, что кризис III в. связан был с кризисом производства, транспорта, населения (стр. 32), что экономические законы сильнее законов государства (стр. 268). Но при этом Богарт дает упрощенное объяснение некоторым историческим явлениям. Так, катастрофическое финансовое положение греческих городов в I в. до н. э. объясняется только войнами с Митридатом, пиратством, контрибуциями римских и понтийских полководцев (стр. 194—195, 240, 255, 281). Несколько наивно трактуется связь между обогащением отдельных лиц и захватом ими политической власти в некоторых греческих государствах (стр. 24). Недостаточная строгость деловских гипотез при взвешивании процентов и недоимок с должников объясняется мягкостью администрации и трудным экономическим положением делосцев (стр. 152—153), в то время как здесь следовало бы сказать о специфике античной собственности и греческого полиса.

В тщательно выполненной работе встречаются некоторые неточности и опечатки ³³.

Со многими положениями Богарта можно и следует спорить, далеко не все выдвигаемые тезисы доказаны или доказуемы при нынешнем состоянии источников.

³³ Так, на стр. 58, прим. 165 неверна ссылка на Полибия. Напечатано Polyb. 31, 27, а надо Polyb. XXXII, 13; на стр. 147 напечатано tierce вместо tiers. На стр. 159 вместо даты 218 напечатано 128; на стр. 323 — «caculé» вместо «calculé»; на стр. 373, прим. 409 напечатано Lije вместо Lys.; на стр. 383, прим. 461 — Calhoubin вместо Calhoun; на стр. 396, прим. 556 — Dem. 91, 215 вместо Dem. 19, 215; на стр. 453 (Addenda) — к стр. 113, надо к стр. 114.

³¹ Наряду с государственными трапезами продолжали активно действовать и частные.

³² Автор, по-видимому, не владеет русским языком, по все же ссылается несколько раз на работы советских ученых, особенно опубликованные в ВДИ (стр. 120, 124, 124).

Но в целом эта тщательно выполненная и основанная на большом кропотливом труде работа заслуживает высокой оценки. Собранный автором огромный материал и поставленные им вопросы открывают перспективы новых исследований в области

кредитных отношений древнего мира ³⁴.

³⁴ Сам Богарт готовит монографии о государственных займах в древней Греции, о банках Птолемеевского Египта, собрал материал о банках древнего Рима.

Л. М. Глушкина

G. J. D. AALDERS, *Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum*, Amsterdam, 1968, 132 стр.

Автор начинает с утверждения, что для греков уже с архаической поры идеалом была умеренность, о чем свидетельствует старинное изречение «ничего слишком». Из этого стремления к середине, среднему пути вырастает мысль о предпочтительности «среднего», т. е. смешанного строя. Мысль о середине, о преимуществах среднего социального слоя в государстве выразил в VI в. до н. э. Фокил Милетский — «у средних (граждан) многое является превосходным, я хочу быть средним в государстве». Аальдерс мог бы яснее представить возникновение идеала «средней» жизни, «среднего» состояния, «среднего» строя из исторических обстоятельств социальной борьбы между богатыми и бедными гражданами в греческих полисах, во время которой победа склонялась то в одну, то в другую сторону, и неустойчивое положение в государстве порождало мечту о спокойствии, которого ждали от тех, кто не принадлежал ни к богатой верхушке, ни к бедным низам, т. е. от граждан со средним достатком. Мысль о «среднем» строе пробивает себе дорогу без труда, в борьбе с другими течениями. Из «Политики» Аристотеля (IV, 1296 а, 36) мы знаем, как далеки были политические деятели Греции от намерения осуществить «средний» строй на практике. С трудом подбирает Аристотель примеры реализации такого строя. Эта сторона дела не обратила на себя внимание автора книги.

Бесспорна заслуга Аальдерса в том, что он, опираясь на работы своих предшественников и внося много нового от себя, прослеживает эволюцию теории смешанной конституции в Греции и Риме начиная с конца V в. до н. э. и конца II в. н. э. Оправдание своей работе автор видит в том, что существующая по вопросу литература либо не охватывает историю теории смешанной конституции на всем ее протяжении, либо страдает некоторой односторонностью.

В книге выдвигается положение, что ранее V в. теория смешанной конституции возникнуть не могла и что до того времени самые слова *ἀριστοκρατία*, *δημοκρατία*,

μειζωκρατία едва ли могли появиться. Следует, однако, отметить, что, по крайней мере, в одном пункте суждение Аальдерса легко опровергнуть. Слово *μειζωκρατος* встречается в политической лирике начала и первой половины VI в. (Солон, № 10, 3 D; Феогнид, 52) в применении к тиранам. Уже это одно делает маловероятным предположение о гораздо более позднем происхождении слова *μειζωκρατία*. Всякие сомнения на этот счет устраняются одним фрагментом Алкея, где ясно читается *μειζωκρατία* (The Fragments of the Lyrical Poems of Alcaeus, ed. by E. Lobel, Oxf., 1927, Ab. 27). Содержание отрывка ввиду плохого состояния текста на цитировавшемся не поддается уяснению, но существование слова (уже в смысле термина) в конце VII—VI в. до н. э. можно считать не подлежащим сомнению.

На гораздо более прочной почве стоит Аальдерс, когда он говорит о приоритете (в смысле времени возникновения) термина *ισομερία* перед термином *δημοκρατία*.

В книге опровергается мнение о пифагорейском происхождении теории смешанной формы правления и доказывается на солидном основании, что пифагорейская политическая мысль развилась уже после Платона. В нашей традиции речь о смешанном государственном устройстве впервые идет у Фукидида, когда он оценивает конституцию Пяти тысяч в Афинах в 411 г. как «умеренное смешение» (олигархии и демократии) — *μετρίξ ἐμμεσής* (VIII, 97, 2). Аальдерс ставит вопрос, не являлась ли смешанная конституция ложным близким к Ферамеу кругов, взгляды которых передает здесь историк. По предположению автора книги, истоки теории смешанной конституции следует искать у софистов: правда, доказательств в пользу такого предположения нет.

Теория смешанной конституции занимает прочное место в политических рассуждениях конца V и начала IV в. до н. э. Ее хорошо знает Платон, который лет через 15 после VIII книги Фукидида пишет своего «Менексена». Приведенная там Аспасии надгробная речь содержит очень условную похвалу Афи-